

ЕЩЕ РАЗ О ЗАЩИТНЫХ АКЦИЯХ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА НА ПЕРЕЯСЛАВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Защита Руси от нападений печенегов и расширение ее территории потребовали проведения трех военных и административных реформ.

Первый этап реформ Владимира Святославича заключался в огораживании территории бревенчатыми стенами и расширении размеров региона. Людские ресурсы размещали в обширных поселениях, где жили выходцы из племенных союзов, куда уже внедрилась государственная власть. В 991–996 гг. по границам строили города–крепости.

Второй ступенью реформ, облегчавших управление русскими землями, стало насаждение сыновей Владимира в крупнейшие города. Государственная территория становилась коллективным владением княжеской семьи.

Третий этап реформ Владимира, – это введение христианства. Изначально оно коснулось крупных городов, но о массовой христианизации окраин Руси известно хуже. Признаком победы христианства считают отказ от курганной обрядности и ношение нательных крестиков, ранние типы которых на Левобережье крайне редки.

На городище летописного Снепорода изначально существовало два языческих святилища, которые возобновляли вплоть до второй половины – конца XII в. Только тогда в обиход вошли нательные крестики и была построена деревянная церковь, окруженная грунтовыми могилами. Несколько раньше, около середины XII в., появилось христианское кладбище в Гочево. Таким образом, христианизация окраин Руси носила затяжной характер.

Ключевые слова: *Русь, Владимир Святославич, Левобережье Днепра, военно-административные реформы.*

К началу великого княжения Владимира Святославича на Юге Руси существовало два скромных по размерам общерусских территориальных средоточия. Наиболее значимым было киевское: оно компактно размещалось на полянских землях, включало территорию древлян, и доходило до выдвинутого на юг Родня. На левом берегу Днепра к киевским владениям относились дружинный лагерь в Кашанах и следы поселений, обнаруженные в подслое Остерского Городца, Крехаева и Переяслава-Хмельницкого. Южнее исследованы остатки дружинного лагеря в Лепляво (резиденции воеводы Претича?); к устью Десны приурочивают летописные Ольжичи, а крепость-гавань Воинь была вынесена к устью Сулы (рис. 1).

Таким образом, Киев был центром небольшой поселенческой агломерации, прилегавшей к ведущим из степей печенежским путям. Состав ее населения был весьма пестрым: начиная с Олега, там оседали варяги, выходцы из славянской «северной конфедерации» и другое пришлое население [4, с. 23, 24, 29, 45, 65, 76]. К востоку, на левых притоках Днепра раскинулись независимые от Киева земли «восточных северян», для которых характерны небольшие (0,5–0,6 га) городища, а укрепления площадью более 1 га редки [11, с. 59; 15, с. 63]. В литературе считается, что они размещались обширными гнездами с обширными крепостями, селищами и могильниками: их называют «племенными городами» или «эмбрионами городов».

Между тем, картографирование достоверно северянских городищ указывает на существование разных форм их концентрации. Наиболее развитой, гнездовой тип значительных размеров, близок к древнерусскому тяготению рядовых укреплений к «старшим» городам, но перерастание северянских «протогородов» в летописные пункты достоверно не фиксируется. Они являлись опорными пунктами местного сепаратизма и сопротивления и поэтому уничтожались центральной властью в процессе «окняжения» [20, с. 69]. Поречно-линейный тип поселенческой концентрации более архаичен; в этой группе «ведущие» памятники прослеживаются редко, хотя и эта форма может идентифицироваться с малыми племенными образованиями. Наименее

убедительны в качестве «протогородов» парные скопления и одиночные (рассеянные) крепости-убежища.

Первый серьезный урон суверенности восточных северян нанес князь Святослав, в 964 (965) г. проходя «из вятичей» в Хазарию [4, с. 65; 9, с. 427, 428; 45, с. 103, 104]. Часть этого пути между верховьями Оки и верхним Сеймом маркируют две полосы почти синхронного выпадения монетных кладов второй половины X в. [15, с. 155, 156]. Это может свидетельствовать о близком к дате младших монет катаклизму, прервавшему пополнение кладов.

С этим походом в литературе связывают гибель Большой Горнальской крепости и Гочева: она почти синхронна выпадению указанных кладов. Горналь могли разрушить как один из крупнейших племенных северянских центров. Логичным был и захват Гочева, расположенного близ выхода из оседлых земель в степи. Столь ранним «окняжением» этого региона объясняется тот факт, что к рубежу X–XI вв. общерусский погребальный комплекс там уже господствовал [62, с. 90]. Вступление войск Святослава в этот регион увязывается и с гипотезой Б.А. Рыбакова о появлении во второй половине X в. водораздельной караванной дороги Киев – Булгар [17, с. 96, 97; 40, с. 67]. Вероятно, что этой акцией Святослав закрепил за собой отрезок пути, лежавший между плотно заселенными северянскими землями.

До вокняжения Владимира Святославича в Киеве¹ у Руси сложились с кочевниками переменчивые взаимоотношения, но убийство им князя Ярополка вовлекло кочевников во внутрирусские распри. И следующий год Владимир посвятил сбору сил и средств для ведения отражения набегов: он воевал с Польшей, вятичами, ятвягами и радимичами [4, с. 81–84].

Русь не имела опыта войны со степняками, навыков защиты рубежей и нужного количества защитников малонаселенных окраин. Это вызвало заимствование зарубежного опыта, но вместо «длинных стен» из камня Русь начала огораживаться древо-земляными стенами, руины которых называют «змиевыми валами». Эта архаичная форма защиты поэтапно расширяла государственную территорию, присоединяя к Руси малозаселенные земли. Походы 979 г. принесли Владимиру искомые ресурсы: на Правобережье соседние участки протяженных укреплений возводились в разной технике, – срубные звенья стен строили русские (славянские) артели, а крюковые характерны для выходцев из Польши [32, с. 201–204].

Людские ресурсы для заселения присоединенных территорий, возведения «длинных стен», их ремонта и обороны были сосредоточены в сопровождавших «змиевы валы» обширных (5–6 га) открытых поселениях. Их старались создавать на высоких берегах напротив твердых бродов и над удобными подъемами на плато. Это позволяло загодя обнаруживать появление противника и передавать сведения в тыловые центры.

На подобных открытых поселениях и, особенно, в грунтовом могильнике Жовнина часто встречается этноопределимый инвентарь населения центральной и северной Руси, а также земли северян [37, с. 82–84; 44, с. 233, 274; 47; 35, с. 260, 261]; радимичами был пополнен и гарнизон Лепляво. Очевидно, это были летописные «мужи лучшие» [4, с. 121]: переселенная в приграничье разноплеменная знать с семьями и челядью, сохранявшая материальную культуру своих мест [12, с. 106; 41, с. 67; 60, с. 125]. Только имущие слои могли осилить дальний переезд и составить костяк нового расселения.

По сути, это был более мощный, чем при Святославе, процесс освоения Киевом окраин восточнославянского мира, который в литературе известен как «освоение государственной территории Руси», «огосударствление» или «окняжение» земель. В итоге на племенные земли распространялись княжеская дань и суд, т.е. аппарат принуждения [41, с. 5–9], сопровождаемые сожжением крепостей, переселением или уничтожением военно-жреческой знати, местного самоуправления, структурированием сбора дани в пользу Руси и попыткой замены языческих культов христианством. Несмотря на жесткость форм, подобная форма феодализации смешивала население и объединяла родственные племенные образования в единую общерусскую культуру.

На Левобережье ближайшим к столице был трубежско-остерский регион, отделенный от

¹ Разночтения датировок ПВЛ и данные монаха Иакова (XI в.) показывают, что Владимир занял киевский стол не в 980, а 11 июня 978 г. [4, с. 76–79, 18; 6, с. 24; 24, с. 322].

черниговских владений болотом Смолинкой: его южный берег Владимир закрепил дугой змиева вала. Другая укрепленная линия следовала левым берегом Остра; они сходились на окраинах современного г. Нежина, где напротив брода синхронно появились два противоположащих поселения [36, с. 102, 103], размежевавших владения Киева и Чернигова. Через низовья р. Остра, где на месте одноименного летописного города встречались материалы, начиная с X в. [64, с. 75; 16, с. 89], проходила сухопутная дорога в черниговские земли. Заболоченное течение Трубежа являлось восточным пределом этого региона, и оно было защищено линией «змиева вала». Два брода (у Русанова и Пристром) были прикрыты новыми поселениями. Значительную часть междуречья Днепра – Трубежа занимали лесные массивы, надрезанные узким клином солонцеватого Летского поля. С юга регион был защищен отрезком наиболее протяженного, приднепровского укрепления.

Видимо, почти одновременно создавался и далеко вынесенный посульский отрог приднепровской стены, – преграда на проторенном еще со времен угров степном пути вдоль левого берега Днепра. Нижняя Сула была ближайшей к Трубежу водной преградой, располагавшей высокими берегами и обширной заболоченной поймой. Воздвигнутое на Суле укрепление представляло собой пустотелую срубную стену, построенную поверх мощных подрезок-эскарпов.

Северным краем эта линия внедрилась на северянскую территорию и вызвала гибель аборигенных поселений в Лукомье, Мацковцах и Лубнах. Очевидно, эта был южный путь «окняжения» северян: создание степного рубежа требовало притока населения и строительного леса для возведения защитной стены и обустройства открытых поселений. Недаром эта стена строилась на эскарпах, типичных для северянской фортификации. Переселенным в предстепье носителям роменской культуры пришлось вживаться в новые политические реалии: осваивать непривычные условия жизни, приспособляться к тяготам феодализации, осуществлять огромный объем строительных работ и, наконец, вместе с пришлыми северными контингентами участвовать в военных действиях по охране государственных рубежей.

В целом, расширение пределов Южной Руси и сплошное огораживание их бревенчатыми стенами, обеспеченные добычей пленных и присоединением к Руси племенных земель, считается первым этапом военно-оборонительных и административных реформ Владимира Святославича.

Дальнейшее укрепление государства нуждалось в объединении русских земель, опиравшихся на устаревшие «уставы» и систему погостов для сбора полюдья. В связи с этим, в крупнейших городах вместо былых посадников «сели» сыновья Владимира [4, с. 121]. Это была вторая ступень реформ, облегчавшая управление русскими землями из столицы: каждый княжич становился наместником отца, а государственная территория обратилась в коллективное владение княжеской семьи. В города поступали и там распределялись государственные доходы, что укрепляло территориальную целостность страны и увеличивало ее оборонительные возможности [45, с. 106, 166, 167; 39, с. 47].

Между тем, участие в русских феодальных войнах привело степняков к самостоятельным набегам, пик которых пришелся на 988–997 гг. Протяженные древо-земляные стены не стали достойным антипеченежским заслоном. Параллельно с ними, в соответствии с обозначенным в статье ПВЛ под 988 г. «списком рек», между 991–996 гг. происходило строительство укреплений крепостного типа. Они отличались конструкцией защитных стен: бревенчато-засыпные городни обкладывали мощными облицовками из сырцового кирпича, – получалась облегченная имитация каменных стен; использовались и другие привнесенные технические элементы. На правом берегу Днепра остатки подобных стен зафиксированы в Киеве, Белгороде, Василеве и на городище Заречье; за Днепром в разном состоянии они были обнаружены в Переяславле, Новгороде-Северском, Воине и далекой Тмутаракани [29, с. 70].

Эти технические новшества были привнесены из балканской фортификации, где крепостные стены возводили из камня. Возможно, поэтому в ПВЛ вскоре после приглашения Владимиром греческих мастеров для постройки Десятинной церкви (под 989 г.), появились сообщения о создании Белгорода с Переяславлем [4, с. 121–123]. Владимир контактировал и с Западноболгарским царством Самуила, где часть стен строили из сырца и кирпича [42, с. 109; 13, с. 95]. Матерью его сыновей Бориса и Глеба была «болгарыня», а имя Переяславля Русского близко к названию болгарского Преслава [3, с. 80; 18, с. 155, 156].

Новые крепости размещали на реках, через которые вели важнейшие транспортные артерии; позже они стали ключевыми форпостами-штабами для руководства защитными рубежами (подобная методика известна по греческим военным трактатам). Таким образом, они дополняли оборонительную мощь «длинных стен», но как точечные защитные узлы являлись воплощением более совершенной тактики, подразумевавшей знание путей передвижения противника и слабых звеньев собственной обороны [34, с. 65]. Крепости заселялись следующим потоком «мужей лучших»: в 997 г. Владимир ходил на север «по верховниѢ воѢ на печенѢгы: бѢ бо рать велика бесперестани» [4, с. 121, 127].

«Окняжение» сопровождалось внедрением на места представителей дружины и княжеской администрации. Так, отца Феодосия Печерского с семьей «по велению князя» перевели из правобережного Василева на Стугне в далекий Курск, где наделили земельными угодьями и рабами для их обработки [1, с. 306]. Переезд вельможи и зависимых от него людей более вероятен в период спада активности кочевников, т.е. после рубежа X–XI вв., когда угроза поствугненскому оборонительному рубежу уменьшилась, а освоение Русью далеких окраин нуждалось в наделенных административным опытом руководителях высокого ранга.

Ведущими крепостями северной части остерско-трубежского региона были Кашаны и Городец Остерский. Закладка последнего в ПВЛ обозначена под 1089 г., хотя в 1026 г. в уже существовавшем городе происходили переговоры Ярослава Мудрого с братом Мстиславом о демаркации земель [30, с. 221–224]. Вероятно, город возник еще при Владимире².

В южной части региона в 993 г. на трубежском броде был заложен Переяславль. Он стал мощной окраинной военно-сторожевой крепостью киевского территориального ядра, максимально приближенной к укрепленным линиям по Остру, Трубежу и Суле, и опорой южного вектора освоения северянских земель. С его возникновением в изначально лишенном коренного населения и местной знати междуречье Днепра – Трубежа началось оформление новой административно-территориальной единицы киевских владений, а Трубеж приобрел роль государственного рубежа и юго-восточного предела «Русской земли» в ее узком значении [28, с. 71, 73]. На западном острие Летского поля известно летописное урочище Лыто (совр. г. Борисполь). На существование на его месте поселения указывает найденный там сребреник Владимира Святославича III типа, начала XI в. [52, с. 42]. Видимо, не случайно от Трубежа туда выходил следовавший вдоль р. Альты отрезок змиевого вала.

Закреплению приграничья с враждебной степью противоречит лишь внесение в «список рек» р. Десны. Вероятно, этим мы обязаны ошибке сводчика начала XII в.: еще в конце X в. вдоль этой реки шел вектор «освоения» славянской племенной общности, – укрепление Подесенья было насущным в плане разрешения только этой проблемы [28, с. 76].

Памятником, удостоверяющим укрепление Владимиром внесенной в «список рек» Сулы, считается созданная ранее крепость-гавань Воинь. Счищенные в ров обломки сырцовых блоков указывают на ее реконструкцию в конце X в., но она была отдалена от посульского расселения сетью болот и стариц, нет вблизи нее и разноэтничных погребальных древностей.

Последнее обстоятельство, подкрепленное обильным археологическим материалом, позволило ряду авторов интерпретировать в качестве ключевой посульской крепости не сохранившееся укрепление Жовнино [14, с. 90; 55, с. 170]. Действительно, поселение размещено непосредственно на пути кочевников. Его останцовое размещение было привычно пришедшим с Севера «мужам лучшим», а обнаруженное там изображение «тамги» Владимира Святославича указывает на вектор управления нижнесульской обороной.

Результативность удаленной нижнесульской преграды раскрывается сообщением ПВЛ о выдвижении княжеских войск в 993 г. на трубежский брод, куда «печенѢзи придоша по оной сторонѢ от Сулы» [4, с. 122–124]. Владимир явно был предупрежден и сразу после хорватской войны выдвинулся навстречу противнику: видимо, защитники сульских высот выполнили задачу

² В результате постройки в 1538 г. на его месте замка, городищенский останец был подрезан для приспособления к фортификационным канонам эпохи огнестрельного оружия, т.е. древние валы с вероятными сырцовыми облицовками не сохранились.

разведки и оповещения о приближении противника. Таким образом, в этот период Посулье являлось второстепенным зачатком рубежа с едва намеченными защитными функциями [27, с. 41].

Итак, протяженные укрепления начали возводить около 978–980 гг., в пик печенежских набегов, между 991–996 гг., строились «города» Владимира. Между 997 и 1015 гг. в ПВЛ пролегла лагуна, отчасти восполняемая туманными известиями В.Н. Татищева и Никоновской летописи об отзвуках столкновений 1000, 1001 и 1004 гг. [3, с. 68; 7, с. 69; 8, с. 141, 142]. В письме архиепископа Бруно Кверфуртского сообщалось об окончании в 1007 г. ограждения пределов Руси по р. Рось и замирении Руси с печенегами [5, с. 51]. Возможно, с защитным строительством связана наметившаяся после 997 г. убыль печенежской агрессии: в 1000, 1015 и 1019 гг. степняки вернулись к тактике наемничества.

По летописным источникам и археологически известно о 8-ми «городах» Владимира Святославича, но в литературе высказывались иные мнения. Так, М.П. Кучера насчитал на Левобережье 39 городищ этой эпохи (22, с. 153, 155), что составляет значительную долю от всех известных там остатков древнерусских крепостей. Это недоразумение вызвано техникой разведочных изысканий, когда датирующий материал исчерпывался небольшим количеством подъемного материала. Он не позволяет изучить последовательно отлагавшиеся напластования, – а этим и отличается городищенский культурный слой. Это подтверждают раскопки и разрез вала упомянутого в списке М.П. Кучеры городища Снепорода: первоначальные укрепления появились там около третьей четверти XI в.

В одной из недавних статей я останавливался на хронологии, путях и методах «окняжения» Владимиром северянской лесостепи, сопровождаемых переселением аборигенов на открытые поселения и уничтожением их племенных крепостей-убежищ, произошедшим на протяжении княжения Владимира Святославича [35, с. 261–267]. Следует уточнить, что «уничтоженными» считаются три категории памятников. К типу 1 относятся укрепления, погибшие в пожарищах. К нему близки городища типа 2: на них зафиксирована продолжительная лагуна между роменскими и древнерусскими напластованиями (она выражается и в появлении округлой планировочной структуры). Под типом 3 сгруппированы покинутые защитниками, но не сожженные памятники. Кроме этого, известны хуже изученные городища, их материалы не позволяют судить о характере процесса «окняжения». Таким образом, общее число достоверно северянских городищ (включая перекрытое открытым общерусским поселением Лукомье) составляет 73 единицы (рис. 2).

В Посеймье к первому типу относятся Беседино-Рать, Переверзево-2, Шуклинка, Липино, Погореловка-1 (Кудеярова Гора), Погореловка-2 (Лысая Гора), Люшинка, Капыстичи и Воргол. Ко второму типу относятся Титово, Гнездилово, Большое Лукино, Липино, Городенск, Люшинка, Капыстичи, Асмолово, Пригородная Слободка, Лещиновка, Волинцево и Лухтовка. К третьему типу исследователи относили Мешково-2, Дроняево-2, Жидеевка, Ратманово-1, Латышевка, Путивль (Подмонастырская Слобода), Путивль (Никольская Горка), Будищи, Ховзовка, Волокитино, Литвиновичи, Красное Утро и Ленинское.

В поречье Сулы к первому типу относятся Медвежье, Гаевщина, Хитцы, Лукомье, а также открытые поселения в Лубнах и Мацковцах. Судя по разрезам валов и распределению керамики, эти памятники можно отнести и ко второму типу. К нему же относятся Красный Колядин, Глинск, Свиридовка и Городище. К третьему типу относятся Монастырище в Ромнах, городище Вашкевича в Шумске и оставленная жителями Бодаква.

Поречье Псла изучено менее полно. К первому типу там относят разрушенный Святославом гочевский Крутой Курган, оба укрепления Горналя и Большое городище Зеленого Гая. К памятникам второго типа можно отнести Куриловку и Великую Рыбицу. Несомненно, прерывалась жизнь и на округлом в плане укреплении Азак. Аналогичную планировку, типичную для древнерусских укреплений, имело и Каменное.

На Ворскле к первому типу относятся крепости Журавное–1 (Демидов Бугор), Заречное-2 и Соборная площадь Полтавы, где были обнаружены сгоревшие северянские жилища и клад 1905 г. Второй тип представлен пожарищем и лагуной в Хотмыжске и Ницахой (Малый Балкан). К третьему типу можно отнести Куземин и Глинск-2 (Панский яр).

На Северском Донце в Карачевке между роменским и древнерусским слоями прослежена

пожарная прослойка–лакуна конца X – начала XI вв. [21, с. 195].

Таким образом, на нынешнем уровне изучения, в результате русской экспансии погибло или было заброшено 56 племенных укреплений-убежищ, что составляет 76,7 % от общего числа пригодных для изучения памятников.

В литературе по-разному оцениваются итоги массовой христианизации Руси, – третьего этапа реформ Владимира³. Безусловно, в первую очередь новое вероучение утверждалось в крупных городах. Так, в 1072 г. на перенесении мощей св. Бориса и Глеба присутствовали переяславский епископ Петр и игумен Николай [4, с. 181]. В 1089/1090 гг. митрополитом Ефремом была освящена освещена церковь св. Михаила, им же была заложена церкви св. Андрея и на воротах во имя св. мученика Феодора [4, с. 208, 209]. В 1098 г. Владимир Мономах заложил в Переяславле каменную церковь Успения Богородицы на княжеском дворе [2, с. 248] и т.д. Таким образом, в столице нового княжества христианство довольно быстро пустило глубокие корни.

Относительно же удаленных от нее территорий среди одних исследователей бытует мнение о быстром распространении новой веры [25, с. 149; 55, с. 115]. Другие ученые считали, что язычество дольше держалось на окраинах Руси [48, с. 755]. К археологическим признакам внедрения нового вероучения порой относят появление под курганами ямных захоронений [38, с. 92, 93], а его возобладание проявляется во всеобщем отказе от курганной обрядности и переходе к безынвентарным грунтовыми погребениям с гробовищами.

С христианизацией связывают и ношение нательных крестиков, среди которых наиболее ранними являются изделия XI в. «скандинавского» типа и крестики-корсунчики из цветного мрамора. Первые из них, чаще происходящие из дружинных погребений, связывают с «окняжением» Русью новых земель [45, с. 238]. На Левобережье их найдено совсем немного: они встречены в Гочеве, Жовнино и в переяславльской постройке начала XI в.; несколько «корсунчиков» обнаружено в посеймских Липино и Рати [38, с. 85. Рис. 32; 10, с. 59; 65, с. 101]. Около середины XI в. крестики и образки начали встречаться в погребениях на севере Руси [26, с. 15]. Позже – в кладах, зарытых на рубеже XI и XII вв. [19, с. 26]. В рядовых курганных погребениях они распространились в XII в.; даже в Новгороде христианская символика прочно вошла в массовую культуру лишь в течение второй – третьей четвертей XII в. [50, с. 40–43; 23, с. 36]. Это явление близко появлению христианского кладбища в Гочеве около середины XII в. [61, с. 97].

Объекты, несущие языческую нагрузку, были изучены на городище и посаде летописного Снепорода. Так, в центре округлого отрога доминирующей береговой высоты, отделенного древним оврагом от окружавшего его поселения, размещалась воронка колодца с амфитеатром из кольцевидных ступенек, снабженных глинобитными печами, и остатками жертвоприношений на ее дне, в преддверии шахты. Это типично для третьего, развитого уровня святилищ [51, с. 183; 49, с. 127–130]. Там же, на закольцованной мысовой площадке, изучены и остатки углубленного капища с центральным столбом, вероятно, от идола, что выдает в нем святилище второго уровня [49, с. 127–130]. Возможно, в связи с крещением, оба сооружения были разрушены, но их возобновляли вплоть до второй половины – конца XII в., когда в погребениях, постройках и культурном слое Снепорода появились крестики-тельники и была построена безапсидная деревянная церковь, окруженная безынвентарными грунтовыми могилами. Подобные «клетские», рубленные в четверик бревенчатые храмы, с невычлененным в наружном объеме алтарем и увенчанные небольшой глухой главкой или одним только крестом, в XVI в. сохранялись в архитектуре русского Севера [43, с. 40]. Вероятно, к этому времени относится и найденный на городище обломок бронзового колокола [46, с. 185]. Таким образом, христианизация юго-восточной окраины Руси также носила весьма затяжной характер [33, с. 110–115].

Организация Владимиром Святославичем отпора печенежской экспансии стала мощным толчком развития и консолидации государства, выразившимся в реорганизации устаревших форм управления Русью. Крупнейшие города, куда стекались средства от налогообложения, стали контролироваться князем и его сыновьями. Поступательное отодвигание от Киева пределов

Историографии этого вопроса посвящена исчерпывающая работа Н.В. Хамайко [59, с. 431–442].

государства закреплялось защитными преградами. Изначальные зарубежные элементы оборонительной фортификации относительно быстро были переработаны на основе местного опыта срубного строительства.

Заселение порубежных земель и обеспечение укреплений боеспособными контингентами изменяло структуру древнего расселения. Присоединение племенных территорий позволяло переселять аборигенное население на необжитые места, отрывая их от опутанных языческими ритуалами гнезд и разрывая внутриобщинные патриархальные связи. В итоге, как на племенных землях, так и в опасном приграничье возникали условия для нивелирования племенных особенностей и сложения новой, общерусской категории налогооблагаемого и управляемого из центра населения.

Эти мероприятия позволили князю за тридцатилетие создать систему обороны, которая позже только развивалась и углублялась. И все же, вряд ли им «было основано не менее 100 крепостей, укрепленных городов и неукрепленных поселений, а оборонительные сооружения поселений на территории вплоть до Чернигова и Червеня подверглись переделке» [58, с. 276, 277]. Как мы помним, упомянутых в ПВЛ и обнаруженных археологически городов-крепостей эпохи Владимира известно немного. Впрочем, если к ним добавить отрезки змиевых валов, а также уже известные и еще не найденные открытые поселения, то вышеприведенная цифра не кажется слишком преувеличенной.

Большее сомнение вызывает суждение о «переделке» старых укреплений. Вероятно, оно навеяно устаревшим представлением о том, что стены племенных крепостей-убежищ строили только в столбовой и каркасно-столбовой технике. Появление срубных стен ряд авторов связывал с «окняжением», которое приводило к реконструкции стен Донецкого городища, Каменного, летописного Теревовля, Перемышля на р. Сан, Путивля и т.д. [63, с. 334, 335; 53, с. 157, 158; 57, с. 341; 56, с. 103; 54, с. 70, 76]. В свое время, приводя эти мнения, я косвенно соглашался с авторами [32, с. 66, 67], забыв о том, что крепостные стены срубного строя на племенных землях появились в середине X в., например, в Титчихе и Горнале [31, с. 35, 36; 32, с. 45, 46]. Таким образом, предположение о массовой реконструкции крепостных стен Владимиром «на территории вплоть до Чернигова и Червеня» нуждается в дополнительных доказательствах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962.
2. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало древнерусской литературы: XI – начало XII вв. – М., 1978.
3. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т. 2. – М., 2001.
4. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. – Т. 9. – СПб., 1862.
5. Повесть временных лет // ПСРЛ. – Т. 1. – М., 2001.
6. Свердлов М.Б. Письмо Бруно Кверфуртского к королю Генриху II // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. – М.–Л., 1989.
7. Соболевский А.И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. – Книга 2. – Отдел 2. – К., 1888.
8. Татищев В.Н. История Российская. – Т. 2. – М.–Л., 1963.
9. Татищев В.Н. История Российская. – Т. 4. – М.–Л., 1964.
10. Бузян Г.М., Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., Товкайло М.Т. Матеріали Х ст. з території посаду Переяслава Руського // АЛЛУ. – Вип. 2. – Полтава, 2001.
11. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. – Тула, 2000.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. – Москва, 2000.
13. Димитрова Д. Средневековая крепость в г. Ямболе // Труды V Международного конгресса славянской археологии. – Т. 3. – Вып. 2. – Секция VI. – М., 1987.
14. Дяденко В.Д., Моця А.П. Жовнинський могильник XI–XIII ст. // Археологія. – 54. – 1986.
15. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей // Курский край: научно-популярная серия в 20 т. – Т. 3.

- Курск, 2005.
16. Казаков А.Л., Гребень П.Н., Потапов П.М. Нові дослідження Остерського Городця // Історія та археологія давнього населення Української РСР. – К., 1989.
  17. Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. – Материалы и исследования 1975 г. – М., 1976.
  18. Колибенко О., Колибенко О. До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. – Збірка наукових праць. – К., 2004.
  19. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.–Л., 1954.
  20. Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989.
  21. Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников). – М., 1996.
  22. Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. – К., 1999.
  23. Лесман Ю.М. Новгородские привески – источник для реконструкции динамики христианизации // Восточная Европа в древности и средневековье. – Язычество, христианство, церковь. – Чтения памяти В.Т. Пашуто. – Тезисы докладов. – М., 1995.
  24. Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. – Ч. 2. – М.–Л., 1950.
  25. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). – СПб., 2002.
  26. Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками Белозерья и Каргополья) // КСИА. – Вып. 205. – 1991.
  27. Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Вып. 3. – Курск, 1998.
  28. Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // РА. – № 3. – 1999.
  29. Моргунов Ю.Ю. О сырцовых стеновых кладках эпохи Владимира Святославича // КСИА. – Вып. 211. – 2001.
  30. Моргунов Ю.Ю. К вопросу о разделе южнорусских земель в 1026 г. «по Днепру» // Наукові записки з української історії. – Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди. – Вип. 16. – Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова. – Переяслав-Хмельницький, 2005.
  31. Моргунов Ю.Ю. О следах «косых острогов» X в. на городищах Курской области. – РА. – № 3. – 2008.
  32. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. – М.: Наука, 2009.
  33. Моргунов Ю.Ю. Этнический состав и духовные предпочтения обитателей летописного г. Снепорода // Вестник Елецкого государственного университета. – Серия археология. – Вып. 23. – Елец, 2009.
  34. Моргунов Ю.Ю. Древняя Русь и кочевники Причерноморья // Русь и Восток в IX–XVI вв. – Новые археологические исследования. – М., 2010.
  35. Моргунов Ю.Ю. О начале «окняжения» Русью юго-западной окраины племенной территории летописных северян // Переяславіка: Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». – Збірник наукових статей. – Вип. 5 (7). – Переяслав-Хмельницький, 2011.
  36. Морозов О.С. Археологічні пам'ятки Ніжина та околиць (нові знахідки) // Археологічні старожитності Подесення. – Матеріали історико-археологічного семінару. – Чернігів, 1995.
  37. Моця А.П. Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне. – Материалы симпозиума. – Минск, 1983.
  38. Моця О.П. Населення південноруських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). – К., 1993.
  39. Моця О.П. Київська Русь: етапи формування державної території // Археологія. – № 1. – 2001.
  40. Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар–Киев. Пути – зв'язи – судьби. – К., 1997.
  41. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951.

42. Овчаров Д. Византийски и Български крепости V–X век. – София, 1982.
43. Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992.
44. Петрашенко В.О., Козюба В.К. Узбережжя Канівського водосховища (каталог археологічних пам'яток). – К., 1999.
45. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. – Смоленск – Москва, 1995.
46. Раппопорт П.А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века // КСИИМК. – Вып. 54. – 1954.
47. Роздобудько М.В., Юрченко О.В. Звіт про охоронні дослідження лівобережжя Канівського водосховища за 2002–2003 рр. // Научный архив ИА НАН Украины.
48. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987.
49. Свирин К.М. Конструкция языческих святилищ Восточной Европы VI–XIII вв. (к постановке проблемы) // Вестник московского университета. – Серия 8. – История. – № 1. – М., 2007.
50. Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. – Крещение Руси: Сборник тезисов. – М., 1987.
51. Семенов В.А. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – Материалы тематической научной конференции. – СПб., 2000.
52. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. – Л., 1983.
53. Сухобоков О.В. Левобережье Днепра // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). – Сост.: Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А. и др. – К., 1984.
54. Сухобоков О.В. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991.
55. Сухобоков О. В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). – К., 1992.
56. Терский-Шеломенцев В.С. Перемышль // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. – К., 1990.
57. Тимошук Б.А. Исследования в Теребовле // Археологические открытия 1986 г. – М., 1988.
58. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси 750–1200. – СПб., 2009.
59. Хамайко Н.В. Від язичництва до християнства крізь призму археології: сучасні тенденції історіографії // Археологія і давня історія України. – Вип. 1. – Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – К., 2010.
60. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 2. – М., 2004.
61. Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псёл в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник Московского университета. – Серия 8. – История. – № 2. – 1982.
62. Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X–XIII вв. // Археология славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991.
63. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962.
64. Шугаевский В.А. Новое приобретение черниговского соединенного исторического музея // ИАК. – Прибавление к выпуску 44. – СПб., 1912.
65. Щавелев С.П. Лунница и крест: христианизация юго-востока Руси (по материалам Курского Посеймья) // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. – Сборник статей. Воронеж, 2005.

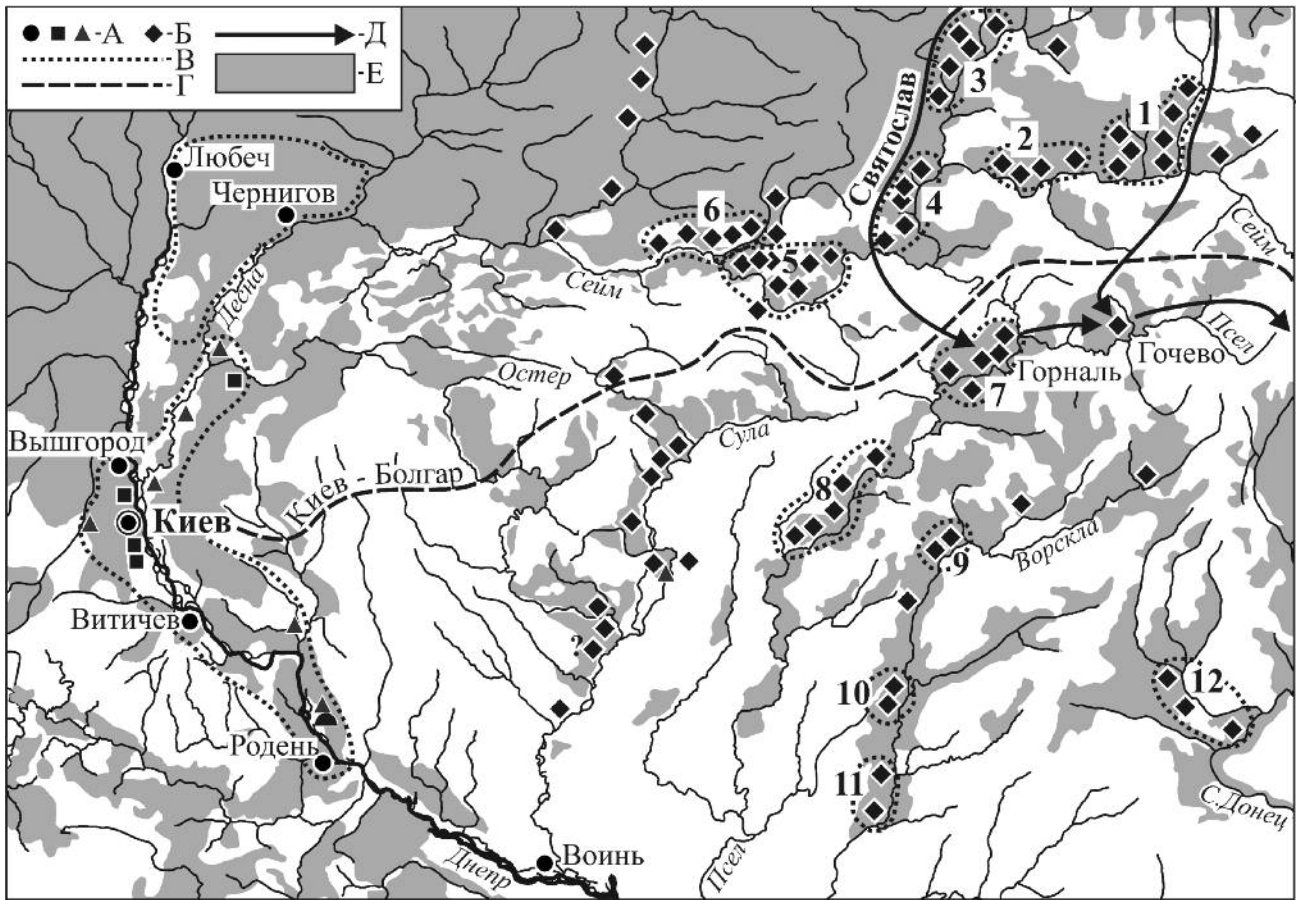

Рис. 1. Общерусские и северянские поселения третьей четверти X в.

А – Общерусские города, городища и открытые поселения летописных северян; Б – укрепленные поселения летописных северян; В – гипотетические пределы территориальных средоточий; Г – трасса торгового пути Киев–Болгар; Д – гипотетические маршруты движения войск Святослава «из вятич» в Хазарию; Е – реконструированные по почвенным данным древние лесные массивы.

Северянские территориальные группы разных уровней заселенности: 1 – курская; 2 – льговская; 3 – свапская; 4 – рыльская; 5 – путивльская; 6 – воргольская; 7 – горнальская; 8 – среднепсельская; 9 – заречненская (?); 10 – глинская (?); 11 – полтавская; 12 – донецкая.

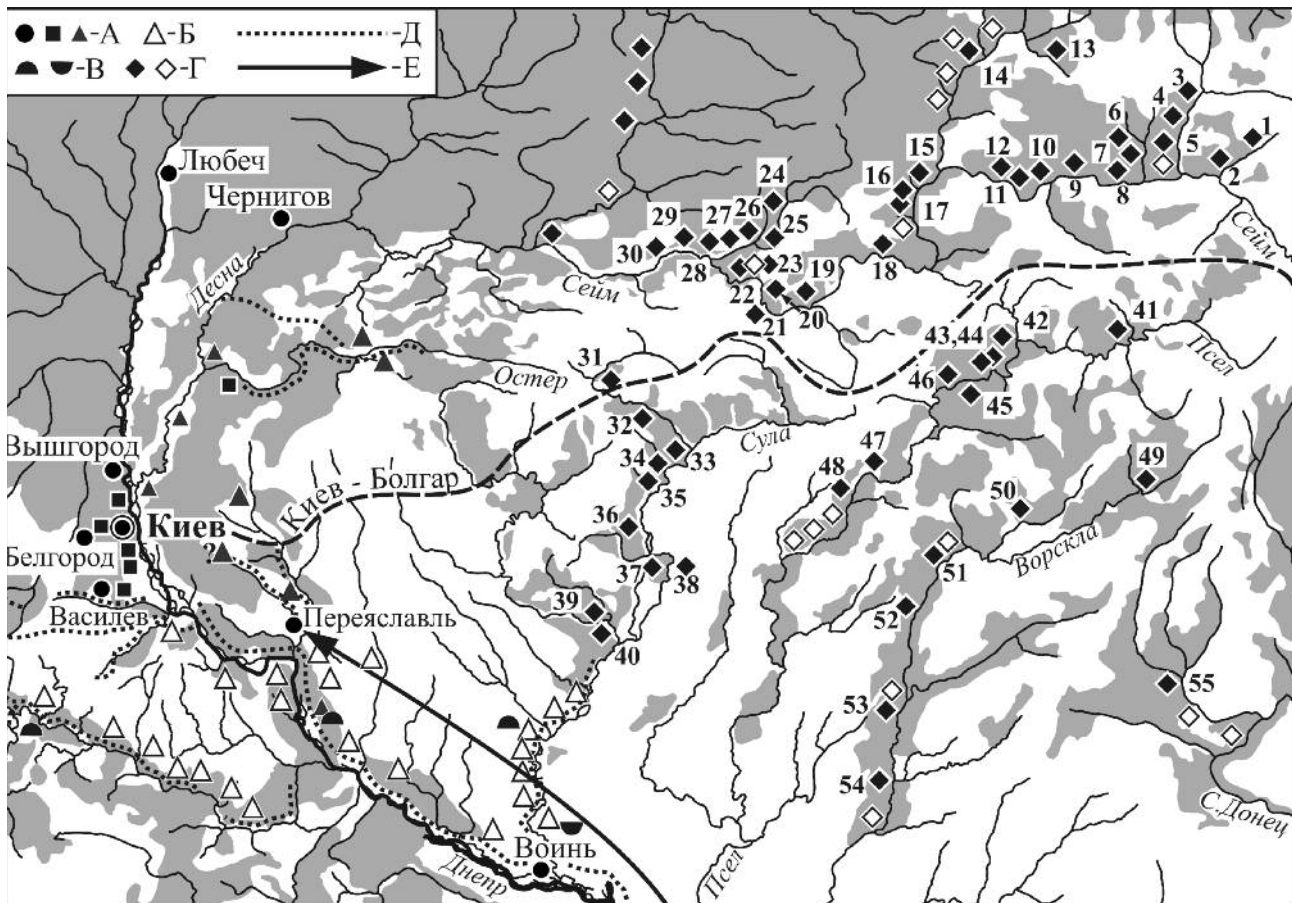

Рис. 2. Общерусское и северянское расселение в начале XI в.

А, Б, В – памятники общерусского расселения: А – летописные города, городища и открытые поселения; Б – открытые поселения, сопровождавшие «змиевы валы»; В – курганные и грунтовые погребения. Г – укрепления летописных северян: заливкой помечены сожженные, содержавшие хронологическую лакуну и заброшенные укрепления; отсутствие заливки указывает на недостаток материалов, связанных с «окняжением». Д – линии змиевых валов; Е – направление печенежского набега 993 г. на трубежский брод.

Северянские городища: 1 – Титово; 2 – Беседино (Рать); 3 – Переверзево-2; 4 – Мешково-2; 5 – Шуклинка; 6 – Гнездилово; 7 – Большое Лукино; 8 – Липино; 9 – Дроняево-2; 10 – Погореловка-2; 11 – Городенск; 12 – Люшинка; 13 – Жидеевка; 14 – Ратманово-1; 15 – Капыстичи; 16 – Асмолово; 17 – Пригородная Слободка; 18 – Лещиновка; 19 – Волынцево (Курган); 20 – Латышевка; 21 – Лухтовка; 22 – Путивль (Подмонастырская слобода); 23 – Путивль (Никольская Горка); 24 – Будищи; 25 – Ховзовка; 26 – Волокитино; 27 – Воргол; 28 – Литвиновичи; 29 – Красное Утро (уроч. Джеджеруни); 30 – Ленинское; 31 – Красный Колядин; 32 – Медвежье; 33 – Ромны (Монастырище); 34 – Шумск; 35 – Глинск; 36 – Свиридовка; 37 – Гаевщина; 38 – Бодаква (Панское); 39 – Городище; 40 – Хитцы; 41 – Гочево (Крутой Курган); 42 – Куриловка; 44 – Горнальский комплекс; 45 – Великая Рыбица; 46 – Зеленый Гай (Большое городище); 47 – Каменное; 48 – Азак; 49 – Хотмыжск; 50 – Ницаха (Малый Балкан); 51 – Заречное-2; 52 – Журавное-1 (Демидов Бугор); 53 – Глинск-2 (Панский Ярок); 54 – Полтава; 55 – Карачевка.

Моргунов Ю. Ще раз про захисні акції Володимира Святославича на Переяславському Лівобережжі.

Захист Русі від нападів печенігів і розширення її території потребували проведення трьох військових та адміністративних реформ.

Перший етап реформ Володимира Святославича полягав у обгородженні території стінами і розширенні розмірів регіону. Людські ресурси розміщувалися в обширних поселеннях, де

жили вихідці з племінних союзів, де вже укоренилася державна влада. У 991-996 рр. на кордонах будували міста-фортеці.

Другим щаблем реформ, які полегшували керування руськими землями, стало посадження синів Володимира в найбільші міста. Державна територія ставала колективним володінням князівської родини.

Третій етап реформ Володимира, – це введення християнства. Спочатку воно торкнулося великих міст, але про масову християнізацію околиць Русі відомо гірше. Ознакою перемоги християнства вважають відмову від курганної обрядності і носіння натільних хрестиків, ранні типи яких на Лівобережжі вкрай рідкісні.

На городищі літописного Снепорода спочатку існувало два язичницьких святилища, які відновлювали аж до другої половини-кінця XII ст. Тільки тоді в побут увійшли натільні хрестики та була побудована дерев'яна церква, оточена ґрунтовими могилами. Трохи раніше, близько середини XII ст., з'явилося християнське кладовище в Гочеві. Таким чином, християнізація околиць Русі носила затяжний характер.

Ключові слова: Русь, Володимир Святославич, Лівобережжя Дніпра, військово-адміністративні реформи.

Morgunov Y. Once again about the protective actions of Vladimir on Pereyaslavl's left bank of the Dnieper.

To the beginning of reigning of Vladimir Svyatoslavich Kyiv was the centre of not large settled region. To the east on the left tributaries of the Dnieper the lands of "east northerners" were stretched containing the great number of fortified settlements.

Protection of Rus from pechenegs' attacks and expansion of its territory required the realization of three military and administrative reforms.

The first stage of Vladimir Svyatoslavich's reforms consisted in fencing the territory by the walls made of logs and expansion of sizes of the region. On the left bank of the Dnieper, Kyiv domains reached the river Trubezh protected by «long walls», the other wall blocked up the ancient way of nomads to Kyiv in lower parts of the Sula. The builders and defenders of the walls were placed in new vast settlements. Also they were remaned by the population of tribal unions, where state power had already been inculcated. The fortresses-refuges, tribal leaders and the objects of pagan cult were destroyed there. It increased the territory of the state and created common all-Russian culture by mixing the population of ethnic native regions.

According to archaeological signs, annexation of the northerners' lands to Rus was accompanied by destruction of tribal fortresses. Some of them were fired. On the others can be traced the intervals between northerners' and all-Russian vital functions. Besides the forever neglected northerners' sites of ancient settlements are known. Nowadays we know about the destruction of 76,7 % of northerners' strengthenings.

The second stage of reforms, facilitating the management of Russian lands, consisted in placing Vladimir's sons in the largest cities. State territory became collective possession of princely family. It strengthened territorial integrity of the country and increased its defensive possibilities.

In 991-996 cities-fortresses were being built on the borders. So Pereyaslavl defended ford on Trubezh river and became the centre of spreading of Kyiv power on northerners' lands, and Trubezh was formed as a basic east border. A protective line on Sula played an inferior role.

The defensive events of Vladimir Svyatoslavich were proceeded from 978-980 to 1007. That year Vladimir finished the enclosure of South Rus by walls and concluded peace with pechenegs.

The third stage of Vladimir's reforms was introduction of Christianity. First of all it was concerned to big cities, where eparchies appeared and stone churches and monasteries were built. It is known worse about the mass Christianization of Rus. Some scientists insist on rapid dissemination of new faith, others think of the protracted maintenance of paganism on the outlying districts of the state. It is considered that abandonment from a burial mounds and crosses worn next to the skin the sign of victory of Christianity. Meantime, on the forest-steppe left bank extremely small early crosses are known.

On the site of ancient settlement of Sneporod on Sula river, studied in detail, originally there were

two pagan temples. Maybe, in connection with christening they were destroyed, but were proceeded in up to the second half – the end of XII century. Only then everyday life was entered by the worn next to the skin crosses and a wooden church was built, surrounded by the ground graves. Before, near the middle of XII of century, a Christian cemetery had appeared in Gochevo. Thus, the Christianization on the outlying districts of Rus had the protracted character.

Keywords: *Old Rus, Vladimir Svyatoslavich, the Left bank of Dnepr, military and administrative reforms.*

Одержано 09.10.2012